

УДК 930

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-21-32

ВОЙНЫ ПАМЯТИ КАК ВОЙНЫ ИСТОРИОСОФСКИХ МАТРИЦ: БОРЬБА ЗА ПОБЕДУ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Багдасарян В. Э.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация.**

Целью статьи является проведение анализа методологии войн исторической памяти как столкновение идеологических матриц сторон конфликта. Операционной задачей исследования выступает выявление концептуальных основ антироссийской исторической пропаганды в фокусе Второй мировой войны и способов противодействия ей в рамках исторической политики России.

Процедура и методы исследования. Анализ войн исторической памяти в фокусе истории Второй мировой войны проводился на основании методологии когнитивных матриц. Использовалась методика деконструкции, применяемая, в частности, при деконструировании мифа теории тоталитаризма.

Результаты исследования. На основании проведенного соотнесения исторического нарратива с когнитивными матрицами был сделан вывод об определяющем значении матричных подходов в формировании исторического сознания. Теория тоталитаризма выступает на настоящее время когнитивной матрицей глобалистского идеологического видения истории Второй мировой войны и служит главным концептуальным основанием антисоветской и антироссийской пропаганды. Автор приходит к заключению, что для защиты памяти о Победе необходимо формирование идентичной российской историософии Второй мировой войны.

Теоретическая/практическая значимость работы. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в реализации задач формирования российской исторической политики. В статье сформулированы практические предложения по формированию российской историософии Второй мировой войны, указаны ключевые вопросы, определены основные концептуальные источники.

Ключевые слова: когнитивная матрица, историософия, Вторая мировая война, теория тоталитаризма, война памяти, фашизм, деконструкция

WARS OF MEMORY AS A WAR OF HISTORIOSOPHICAL MATRICES: THE STRUGGLE FOR VICTORY AFTER VICTORY

V. Bagdasaryan*Moscow Region State University**24 ul. Very Voloshinoy, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation***Abstract.**

Aim. To analyze conflicting views on the wars of historical memory as a clash of the ideological matrices of the parties to the conflict. The operational task of the study is to identify the conceptual foundations of anti-Russian historical propaganda as related to the Second World War and propose ways to counter it in the framework of the historical policy of Russia.

Methodology and Approach. Analysis of historical memory of war in relation to World War II is carried out using cognitive matrices. This technique is applied specifically to deconstruct the myth of Russian totalitarianism.

Results. Based on the examination of historical narrative with different cognitive matrices, a conclusion is drawn about the decisive importance of matrival approaches in the formation of historical consciousness. The theory of totalitarianism is currently the dominant cognitive matrix supporting a globalist ideological vision of the history of World War II and serves as the foundational conceptual basis of anti-Soviet and anti-Russian propaganda. The author concludes that in order to protect historical memory of the victory, the formation of a parallel Russian historiography of World War II is necessary.

Theoretical and/or Practical implications. The results of the study can be used to inform development of Russian historical policy. The article formulates practical proposals for formation of a Russian historiography of World War II, identifies key issues, and identifies key conceptual referents.

Keywords: cognitive matrix, historiography, Second World War, totalitarianism theory, memory, war, fascism, deconstruction

Войны памяти есть войны когнитивных матриц: постановка проблемы

Мифы и фальсификации истории воспринимаются сегодня как вызов в отношении национальной безопасности России и ее места в современном мире [17]. Вопросы о защите коллективной исторической памяти оказались включены в предложения поправок в Конституцию Российской Федерации¹. В полемику по проблемам истории включился даже Президент, представив в конце 2019 г. развернутый ответ на попытки обвинений Советского Союза в развязывании Второй мировой войны в союзе с Германией².

Казалось бы, все делается правильно – издаются документы, предъявляются на официальном уровне, чего не делалось раньше, ответы на демонтаж памятников советским воинам за рубежом, приводятся подкрепленные архивными источниками и статистикой факты. Однако это

в системном отношении не помогает, и черные мифы в отношении России продолжают репродуцироваться, привлекая новых адептов, превращаясь в стереотипы массового восприятия.

В чем причины того, что защита российской истории в мировом дискурсе оказывается недостаточно эффективна перед откровенными фальсификациями и смысловыми подменами? Анализ сложившейся ситуации приводит к заключению, что решение задач демифологизации и дефальсификации антироссийского исторического нарратива через предъявление исторической правды, верифицированных фактов проблемы не решает. Публикация документов имеет, безусловно, большое значение для профессиональной корпорации историков. Но для массового общественного сознания апелляции к архивам оказывается явно недостаточно. Помимо уровня фактологии нужен еще и уровень смыслов и ценностей, сопряженных с соответствующими когнитивными матрицами.

Человек, сообщества людей в целом, мыслят и действуют в пространстве когнитивных матриц. Фундамент матриц составляют определенные парадигмы, базовые шаблоны мировосприятия. Мысля в пространстве матриц, соответствующие субъекты – люди и сообщества, оказываются подчинены определенным

¹ Полный текст поправок в Конституцию см.: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

² Неформальный саммит СНГ. В Санкт-Петербурге состоялась неформальная встреча глав государств СНГ // Президент России [сайт]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62376> (Дата обращения: 10.05.2020).

стереотипам, выстраиваемым как следствие продуцирования принятия той или иной парадигмы. Мышление, свободное от стереотипов и парадигм, невозможно. Восприятие истории также сопряжено с парадигмой мировосприятия, будучи в соответствии с ней стереотипизировано и матрично выстроено. Какие бы факты и аргументы человеку или сообществу не были бы представлены, но если устойчивой остается его когнитивная матрица, все эти предьявления не будут иметь никакого значения.

Соответственно, чтобы преодолеть нежелательное восприятие российской истории, следует решать задачу ломки стереотипов, деконструкции когнитивных матриц. Интеллектуальное развитие человека в целом осуществляется через ломку стереотипов, что использовалось лучшими педагогами в выстраивании образовательного процесса. Но, деконструируя прежнюю матричную схему, познающий субъект либо попадает в какую-то иную матрицу, либо формирует матрицу собственную. Применительно к исторической политике России это означает следующее. Для преодоления негативизации образа российской истории необходимо первым шагом деконструировать определяющую его, сложившуюся несколько столетий назад, когнитивную матрицу и освободиться от задаваемых ею стереотипов. Задача второго шага состоит в том, чтобы не попасть в иные матричные схемы, отводящие России периферийное положение в истории, а начать формирование собственной, россицентричной версии исторического процесса.

Особенность современной ситуации состоит в том, что фактически после краха биполярной модели мироустройства была сформирована глобальная когнитивная матрица. Именно в ее рамках, с опорой на традиции западного дискурса, сложился стереотип в отношении России как полюса мирового зла. Деконструкция антироссийской исторической мифологии предполагает в этих условиях пре-

одоление глобализационной парадигмы, бунт против мировых доминант. Считать, что российская актуальная элита готова сегодня к такому бунту, было бы преувеличением. Но защитить российскую историю, находясь при этом на позициях глобализационной западнцентричной парадигмы, объективно невозможно при этом лишь продуцируются внутрисистемные противоречия.

Деконструкция когнитивной матрицы теории тоталитаризма

Важно зафиксировать опорные элементы когнитивных матриц. Каждая матрица строится на некой систематизированной или несистематизированной мифологии. Борьба с мифологизацией можно только с опорой на иной миф, включая научную мифологию. Речь идет о художественно-образном нарративе, включая нарратив исторический, а в этом отношении миф не означает заведомого вымысла, неправды. Так, советский художественный фильм 1938 г. «Александр Невский» был, безусловно, мифологичным и требованиям исторической достоверности в полной мере не соответствовал. Отступая от реальной истории в деталях, он при этом сущность исторического процесса не фальсифицировал. Значение же картины С. М. Эйзенштейна и Д. И. Васильева в формировании исторического сознания советского населения, в патриотической мобилизации трудно преувеличить [9].

Наряду с общественно значимой мифологией, структура когнитивной матрицы включает: систему ценностей; систему понятий (язык); систему образов и символов; систему континуума (структуру пространства и времени); ключевую дихотомию; целевой образ будущего; систему идентификаторов. Каждый из этих элементов экстраполируется на прошлое, формируя ту или иную версию изложения исторического процесса.

Войны памяти есть в сути своей войны исторических матриц. Для победы

в них следует деконструировать когнитивную матрицу противника и навязать принятие своей когнитивной матрицы. Для России в ее современном моменте эти задачи могут быть поставлены следующим образом – преодолеть западноцентризм и манифестировать собственную идентичную аксиологию. Можно эту же задачу выразить и в более привычной терминологии – формирование новой идентичной российской идеологии. Применительно к истории Второй мировой войны, преодоление западноцентризма сегодня – есть, прежде всего, критика матричной для современного Запада теории тоталитаризма и манифестация историософии Победы.

За период после распада СССР в историографическом дискурсе в изложении сути конфликта Второй мировой войны произошла принципиальная подмена. Первоначально война содержательно раскрывалась как борьба с фашизмом, проявляемом в германском нацизме – человеконенавистнической доктрине и практике расового превосходства. СССР не просто был главной военной силой низвержения Германии, но и главным идеологическим оппонентом, утверждавшим идеалы фундаментального антропологического равенства.

Подмена состояла в том, что суть конфликта переосмысливалась как борьба с тоталитаризмом. СССР в этой версии переставал быть не только альтернативой врагу, но сам оказывался его пособником. Сталинский СССР и нацистская Германия провозглашались подобными друг другу тоталитарными государствами. И вот в 2019 г. в реализации тоталитаристской подмены истории Второй мировой войны были произнесены знаковые слова. Они логически программировались теорией тоталитаризма и были ожидаемы. Произнесла их Керсти Кальюлайд – президент Эстонии, заявившая, что для ее страны война окончилась не в 1945 г., а в 1991 г.¹ В 1945 г. был побежден гер-

¹ Кальюлайд заявила, что Вторая мировая для Эсто-

манский тоталитаризм, но этим борьба не окончилась, так как существовал еще тоталитаризм советский.

Но и в 1991 г. торжество «свободного мира», как это показали последующие десятилетия, не было окончательным. Постсоветская Россия в связке с Китаем пытаются осуществить ревизию одержанной «свободным миром» Победы. И если Германия, пройдя через денацификацию, очистилась от «тоталитарной бациллы», то «путинская Россия» остается носителем тоталитарного духа, а потому нуждается в некоем подобии денацификационной чистки, предполагающей исходно ее десоверенизацию.

Когнитивной матрицей навязываемой Западом модели интерпретации Второй мировой войны выступает, как это указывалось выше, теория тоталитаризма, тоталитаристский миф [2; 10; 15; 19; 20]. Деконструкция теории тоталитаризма и представляет собой в повестке защиты памяти о Победе 1945 года первую задачу в войне когнитивных матриц. Соотнесем эту теорию с указанными ранее структурными первоэлементами любой когнитивной матрицы.

В ценностном отношении теория тоталитаризма связана с либеральной идеологией и ее представителями (Х. Арендт, К. Поппер, К. Фридрих, З. Бжезинский) была исходно разработана. Для противников тоталитаризма базовыми позитивными ценностями, позиционируемыми как общечеловеческие, выступают свобода, индивидуализм, частное право. Напротив, коллективистские ценности характеризуются тоталитаристскими, а государственники обличаются как тоталитаристы.

Ключевыми понятиями теории выступают – тоталитаризм, свобода, несвобода, репрессии. В конкретной адресации к СССР язык тоталитарного мифа устойчиво включает такие термины, как раздел

ни закончилась 25 лет назад // РИА Новости [сайт]. – URL: <https://ria.ru/20190901/1558142274.html> (Дата обращения: 10.05.2020).

Европы, ГУЛАГ, СМЕРШ, коммунизация Европы.

Семиотически теория тоталитаризма выражается посредством дуальных символов зла – звезда и свастика, красное и коричневое. Образные выражения теории сопряжены с мифологемами – «Катынский расстрел – дело рук НКВД», «завалили неприятеля трупами», «изнасилованная Европа» и т. п.

Система континуума теории тоталитаризма выражается в попытках выстраивания приемлемой для себя датировки войны. Первоначально утвердилась не бесспорная дата начала войны – 1 сентября 1939 г., выводящая за скобки Мюнхенский сговор, оккупацию и территориальный раздел Чехословакии. И вот уже предпринимаются попытки и вовсе вести отсчет с 23 августа 1939 г., что прямо подводит под утверждение о виновности СССР в развязывании войны¹.

Окончание войны датируется в теории тоталитаризма традиционно – 2 сентября 1945 г., что и понятно, ввиду акцентированности американской роли в ее завершении. Появляется, как указывалось выше, и современная дата завершения войны, – как борьбы свободного мира с тоталитаризмом – 26 декабря 1991 г.

Ключевые сражения Второй мировой войны, естественно, также смещаются в нарративе теории тоталитаризма с советско-германского фронта в зоны боевых действий союзников. Гипертрофируется значение битвы за Атлантику, десанта в Нормандии, сражения у атолла Мидуэй и т. п. [13].

Ключевой дихотомией теории выступает борьба свободы и несвободы, свободного мира против тоталитарного мира. Будто бы эта борьба и была главным содержанием конфликта Второй мировой войны.

¹ Wesolowsky T., Luxmoore M. Molotov-Ribbentrop What? Do Russians Know Of Key World War II Pact // RadioFreeEurope & RadioLiberty [website]. – URL: <https://www.rferl.org/a/molotov-ribbentrop-what-do-russians-know-of-key-wwii-pact/30123950.html> (Дата обращения: 10.05.2020).

Целевым будущим теории тоталитаризма является окончательное торжество свободного мира над тоталитарными режимами (одно время использовалось понятие «ось зла») и наследниками тоталитаристов. В мироустроительном плане должны быть ликвидированы окончательно рецидивы Ялтинской системы. Необходимость ее ликвидации президент США Дж. Буш-младший публично провозгласил еще в 2005 г. во время визита в Ригу, фактически дав сигнал ревизии итогов Второй мировой войны, включая генезисно связанную с ними всю систему международного права².

Система идентификаторов теории тоталитаризма оперирует идентичностью принадлежности к «свободному миру», но находящемуся под фактическим геополитическим и ценностным предводительством мира англосаксонского (США и Великобритания). Провозглашенная в Фултонской речи У. Черчилля в 1946 г., сразу после окончания Второй мировой войны, идея гегемонии наций, говорящих на английском языке, при выдвижении маркера «свободный мир» подразумевается как нечто само собой разумеющееся³.

Итоговые выводы теории тоталитаризма, применительно к истории Второй мировой войны, сводятся к четырем основным положениям: 1. Советский тоталитарный режим был подобен нацистскому; 2. СССР начинал войну как агрессор в союзе с нацистской Германией; 3. СССР заканчивал войну как агрессор, принудительно коммунизируя Восточную Европу; 4. Все советские победы были достигнуты исключительно тоталитарными методами. Важно в данном случае зафиксировать, что все глав-

² President Bush on World War II and Yalta // npr [website]. – URL: <https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=4645810> (Дата обращения: 10.05.2020).

³ Фултонская речь Уинстона Черчилля в Вестминстерском колледже // Российское историческое общество [сайт]. – URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/archives/fultonskaya-rech-uinstona-cherchillya-1946-goda.html> (Дата обращения: 10.05.2020).

ные обвинения, предъявляемые СССР и фактически России, в рамках кампании дискредитации Победы, есть ключевые положения теории тоталитаризма, логическим образом вытекающие из ее принятия.

Концептуальные противоречия российской исторической политики

Но ведь теория тоталитаризма в нашей стране считается на уровне научно-экспертного сообщества классической, включена в учебники по политологии и другим обществоведческим дисциплинам. Критика ее как антироссийской пропаганды в этих учебниках отсутствует. Получается, что российская гуманитарная наука сама «подыгрывает» в войне памяти стороне противника.

Имеется такой подыгрыш и на уровне государственной власти. Еще в 1989 г. Съезд народных депутатов СССР осудил факт подписания «дополнительных секретных протоколов» от 23 августа 1939 г., признав их юридически несостоятельными. В резолюции съезда указывалось, что «протоколы» будто бы использовались Сталиным и его окружением «для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства в нарушение взятых перед ними правовых обязательств»¹. По большому счету, эта формула являлась признанием совершенной СССР агрессии на начальной стадии Второй мировой войны. Не единожды с высокой трибуны говорились слова об ошибочности навязывания СССР странам Восточной Европы коммунистической идеологии, что было фактически признанием агрессии СССР и на завершающей фазе войны.

Теория тоталитаризма стала концептуальной основой Послания Президента Российской Федерации 1996 г. Содержание Послания определялось контекстом

президентских выборов 1996 г., в которых оппонентом Б. Н. Ельцину выступал Г. А. Зюганов, чья позиция соотносилась с коммунистической идеологией. Но критика коммунизма через призму теории тоталитаризма далее проецировалась на всю историю России. «Важно, – заявлял Б. Н. Ельцин в Послании, – до конца осознать, что трагические последствия коммунистического эксперимента были закономерны. Конечно, чего-то можно было избежать, что-то могло быть смягчено. Но в целом и массовые репрессии, и жесткий политический монополизм, и классовые чистки, и тотальное идеологическое «прореживание» культуры, и отгороженность от внешнего мира, и поддержание атмосферы враждебности и страха – все это родовые признаки тоталитарного режима. Теперь, в канун нового века, ясно, что государства, подавляющие свободу, обречены на поражение. История вынесла свой приговор тем, кто правил с помощью насилия и обмана. И все это означает, что путь назад – это путь в исторический тупик, к неизбежной гибели России»².

Президент говорил, что коммунистическая система СССР была обречена на историческое поражение. Но как в таком случае «тоталитарный Советский Союз» мог выиграть величайшую войну, при том, что демократическая Франция и другие европейские демократии пали перед фашизмом? Разрешением этого противоречия стало в дальнейшем выдвигание концепта «вопрекизма», соотносясь с которым Победу народ одержал вопреки тоталитарному режиму, вопреки коммунистической идеологии и партии.

В определенном подыгрыше противнику в войне памяти оказывается и современная российская художественная культура. С одной стороны, снимаются

¹ Постановление Съезда народных депутатов СССР о пакте Молотова-Риббентропа от 24.09.1989 г. // Документы XX века [сайт]. – URL: <http://doc20vek.ru/node/3261> (Дата обращения: 10.05.2020).

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 23 февраля 1996 года // Президент России [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36349> (Дата обращения: 10.05.2020).

фильмы о войне, показываются яркие картины совершенных подвигов. Но едва ли не в каждом фильме есть, в полном соответствии с теорией тоталитаризма, изображение негативного начала, которое несет власть, есть бюрократизм и отрицание ценности человеческой жизни среди советского руководства, есть тоталитарные методы принуждения к борьбе с врагом. Известны протесты, с которыми выступают ветераны, в отношении кинематографических версий событий Великой Отечественной.

Советская и фашистская системы не имели сущностного подобия

Разоблачение мифа теории тоталитаризма должно вестись как на концептуальном уровне, так и на уровне исторического нарратива. На концептуальном уровне необходимо показать фундаментальные различия между нацистской и коммунистической идеологиями. Нацистский и советский режимы не были и не могли быть подобными друг другу. Конечно, советский политический режим не был режимом мягким, не соответствовал шаблонам либеральной демократии. Но если нацистский режим базировался на идее антропологического неравенства, деления человечества на сверхлюдей и унтерменшей, то советский – на идее фундаментального равенства. Не СССР, а США, с его сохраняемым расистским законодательством и практикой, или Великобритания, с ее колониальными зверствами в Индии, обнаруживали подобие нацистскому режиму в Германии.

Никогда в СССР не было и не могло быть геноцида. Это понятие имеет четкое юридическое определение, как уничтожение того или иного народа на основании расовой или этнической принадлежности. Советское государство позиционировалось государством интернационалистским, и национальная принадлежность в нем, в отличие от всех других ведущих держав мира, не имела принципиального значения. В этой свя-

зи предъявленное Европарламентом в резолюции 19 сентября 2019 г. «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» обвинение СССР в использовании политики геноцида должна получить ответ в виде правового иска¹. К сожалению, разоблачению концептуальной несостоятельности «теории тоталитаризма» препятствует сохранение в России с 1990-х гг. значимых позиций антисоветского дискурса. Защита советской идеологии от ее уподобления фашизму сталкивается с препятствием негативизации этой идеологии в официальном дискурсивном пространстве.

СССР действовал в 1939 г. не как агрессор, а как освободитель

В противовес обвинениям СССР в развязывании мировой войны в союзе с Германией следует, вероятно, не только говорить о вынужденности действий Советского Союза, а об их целесообразности, вернувшись к трактовке польского похода Красной Армии как освобождения украинского и белорусского народов [1]. И это действительно было освобождением, имея в виду националистический характер польского государства, дискриминацию в нем украинцев и белорусов, прецеденты национальных репрессий, функционирования концентрационных лагерей, вроде концлагеря в Березе-Картузской². Спасительным был поход Красной Армии в перспективе прихода немцев не только для славянского, но и достаточно многочисленного в сравнении с другими странами еврейского населения.

Следует предложить перечитать содержание «секретных протоколов», из

¹ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe // European Parliament [website]. – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 10.05.2020).

² Они не стали на колени: сборник воспоминаний и документов о концлагере Берёза-Картузская / Сост. В. Поссэ, Л. Аржаева. Минск: Беларусь, 1966. 347 с.

которых будто бы следовало, что Гитлер и Сталин договорились поделить между собой Европу, а далее действовали сообразно с этими договоренностями. Но читали ли мифологизаторы истории эти протоколы? Вопреки фактически принятой на Западе интерпретации, ни слова о территориальных разделах в протоколах нет. Вместо понятия «территориальный раздел» используется понятие «сферы интересов»¹. Но это ведь не одно и то же! Фактически любое государство имеет какие-либо особые интересы вовне, связанные с товарообменом, энергетическим обеспечением, вопросами культуры и религии и т. п. Соединенные Штаты Америки, к примеру, фактически постоянно говорят о своих интересах за пределами США. Государства часто пытаются разграничить сферы интересов вовне, дабы это не привело к конфликту. Такое разграничение сфер интересов имели, например, Российская и Британская империя в Иране. Из факта наличия интересов за пределами соответствующего государства и разграничения сфер интересов территориальный раздел никоим образом не следует.

Сообразно с утвердившимся в сознании западной общественности мифом о союзе двух тоталитарных режимов, Вермахт и Красная Армия будто бы вели совместные боевые действия против Польши. Демонстрацией этого союзничества стал якобы совместный воинский парад в Бресте. В действительности же, не только не было союзничества, но между Германией и СССР едва не разразилась война. Как известно, войска Красной Армии перешли польскую границу через 17 дней после начала немецко-польской войны, когда уже польские вооруженные силы были обречены. После ввода сил Красной Армии имели место боевые столкновения частей германских и советских во-

йск. Наиболее известное из таких столкновений произошло под Львовом.

Требование советской стороны состояло в том, чтобы немцы отступили за линию сферы интересов СССР, которая соотносилась с расселением украинского и белорусского населения. Это линия не являлась изобретением Молотова и Риббентропа, а была предложена еще в 1920 г. министром иностранных дел Великобритании лордом Дж. Керзоном и названная его именем. Оставить занятые уже территории – для многих немецких военнослужащих выглядело как унижение. Но Гитлер уступил советским требованиям и отвел войска за демаркационную линию.

Пришлось немцам оставлять и занятый ими ранее Брест. И то, что называют парадом, являлось в действительности выводом из города сил вермахта, что сопровождалось с их стороны некоторыми обычными в таких случаях действиями воинского ритуала [11, с. 65; 12].

Миф о насильственной коммунизации Восточной Европы

Утверждение, будто бы коммунистическая идеология была принесена в Восточную Европу «на штыках советских солдат», также нуждается в опровержении как исторически недостоверное. Действительно, страны Восточной Европы избрали после войны социалистический путь развития. Но ключевым здесь является именно слово «избрали». На выборы шли не только коммунисты, но и представители других партий. Расклад по результатам выборов в странах Восточной Европы был различным. Динамика выборного процесса послевоенного периода не позволяет говорить об одномоментном привнесении коммунизма в Восточную Европу при входе туда Красной Армии, о советской оккупации. Показательно в этом отношении рассмотреть результаты выборов в первые послевоенные годы в странах, в которых советские войска отсутствовали. Фактически везде отмечается огромный рост

¹ Секретный дополнительный протокол // Документы внешней политики СССР. Том XXII. 1939 г.: в 2-х кн. Кн.1: 1 января – 31 августа 1939. М.: Международные отношения, 1992. С. 632.

популярности коммунистической партии. Послевоенные годы были историческим максимумом популярности идей коммунизма в мире, что находило соответствующее выражение на выборах. Так, компартия побеждала в течение ряда лет на выборах в Национальное собрание Франции. Франция, как известно, освобождалась американцами и англичанами, и там советских войск не было. Тем не менее французы прекрасно понимали тогда, кто внес основной вклад в Победу, отдавая свои симпатии аффилированным с СССР коммунистам¹.

Неудобные вопросы в формировании российской историософии Второй мировой войны. 1945 год против 1991 года

Формирование собственной идентичной российской историософии Второй мировой войны предполагает дать ответ на ряд ключевых вопросов, без которых историософское осмысление войн невозможно.

Во-первых, с кем воевали? Во-вторых, почему воевали? В-третьих, за какие ценности и идеалы воевали? В-четвертых, за счет чего одержали Победу, каковы были системные преимущества перед врагом? В-пятых, сохранены ли были результаты Победы? Все эти вопросы могут оказаться крайне неудобными для официального дискурса, поскольку в любом случае выводят на фактор существования советской системы и ее противостояния – идеологическое – фашизму и либерализму, социально-экономическое – капитализму, цивилизационное – цивилизации Запада.

Двойственность в российской исторической политике уходит к обстоятельствам гибели СССР. Демонтаж Советского Союза осуществлялся на основе

альянса ряда различных группировок, объединяемых на позиции антисоветизма. Эта позиция предполагала в том числе и ломку советской модели исторического сознания. Великая Отечественная война оказалась тем пределом когнитивной матрицы, сакральным рубежом, который российское общество принять не могло. Возникла сохраняющая актуальность во властном дискурсе развилка в стратегиях отношений к Великой Отечественной войне: 1) ультралиберальная – продолжить линию дискредитации; 2) национал-консервативная – отделить победу в войне от социалистического строя и коммунистического руководства; 3) интеграционная – пойти на идеологический реверс, признав потенциалы советской системы и ошибочность ее демонтажа в 1991 г.

Великая Отечественная война, безусловно, есть опора исторического сознания для российского социума. Память о Победе можно определить в качестве важнейшей из сакральных скреп. Но, говоря о Победе, нельзя построить новую историософию России, не дав оценку через призму 1945 г. тому, что случилось в 1991 г. В значительной степени в 1991 г. и последующие годы произошла сдача позиций, завоеванных в 1945 г. Такое признание может стать основой ценностно-смысловой опоры президентского курса на ресуверенизацию, разрыва с пораженческой матрицей и возвращение к матрице Великой Победы.

Концептуальные основания историософии Победы

При формировании новой историософии и когнитивной матрицы Победы видится целесообразность использования трех базовых концептуальных компонент – советско-марксистской, цивилизационной и христианско-историософской.

Марксистская традиция осмысления Второй мировой войны позволяет акцентировать то положение, что фашизм явился порождением мирового капитала, будучи использован им, во-первых, как

¹ Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник / сост. А. А. Танин-Львов. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 1112 с.

драйвер выхода из кризиса, и, во-вторых, в качестве военного инструмента борьбы с советской альтернативой. Теория империализма отнюдь не исчерпала себя, и объяснение на ее основе генезиса фашизма и мировой войны имеет когнитивные потенциалы [6; 16].

Цивилизационный подход дает понимание Второй мировой войны в ракурсе воспроизводимого столкновения цивилизаций. Сам Сталин давал основания для такого прочтения смысла войны, говоря на встрече в 1945 г. с чехословацким президентом Э. Бенешем о столкновении в ней германского и славянского миров [18]. Цивилизация объединенной Европы сталкивалась в очередной раз в своей истории с российской цивилизацией. Гитлер выступал как наследник европейских интеграторов прошлого – Карла Великого, Наполеона, Бисмарка – и преемника интеграторов будущего. Цивилизационный подход позволяет, в частности, дать объяснение патологической ненависти в отношении к советской Победе, проявляемой на Западе, борьбе с памятниками воинам-освободителям [8; 14].

Наконец, христианская историософия позволяет показать метафизические глубины конфликта Второй мировой войны. Фашистский проект был по сво-

ей метафизике проектом неязыческим, бросающим вызов системе христианских ценностей [4; 5; 7]. Идея языческого неравенства и языческого империализма сталкивалась с системой ценностей, сообразно с которой человечество антропологически едино (нет ни эллина, ни иудея, ни варвара, ни скифа, ни раба).

Заключение

Проведенное рассмотрение дает основания для утверждения, что для защиты памяти о Победе в Великой Отечественной войне, в целом защиты исторической памяти одной фактологии военных лет недостаточно. Факты, встроенные в разные когнитивные матрицы, приобретают различное смысловое наполнение. Соответственно, необходимо деконструировать когнитивные матрицы противника и сформировать собственные. Помимо истории в фактологической развертке, существует еще история как сфера сакрального (священная история) и как сфера развертки высших мировоззренческих смыслов (историософия). На повестке, таким образом, оказывается вопрос о сакральности и историософичности Великой Отечественной войны.

Статья поступила в редакцию 27.02.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Антигитлеровская коалиция – 1939: Формула провала / под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой. М.: Кучково поле, 2019. 336 с.
2. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
3. Багдасарян В. Э. Россия – Запад: цивилизационная война. М.: Форум – Инфра-М., 2017. 410 с.
4. Васильченко А. В. Аненербе. «Наследие предков» без мифов и тайн. М.: Рипол-классик, 2005. 432 с.
5. Васильченко А. В. Оккультный миф III рейха. М.: Яуза-пресс, 2008. 624 с.
6. Галкин А. А. Германский фашизм. М.: Наука, 1989. 352 с.
7. Гудрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию: Ариософы Австрии и Германии, 1890–1935. М.: ЭКСМО, 2004. 576 с.
8. Кожинов В. В. Великая война России. Почему непобедим русский народ. М.: Яуза-Эксмо, 2005. 544 с.
9. Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А. «Александр Невский»: создание киношедевра. Исторические очерки. СПб.: Лики России, 2012. 400 с.
10. Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 48–57.
11. Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 704 с.
12. Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001. 464 с.

13. Морозов Ю. В. Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25. С. 50–63.
14. Нарочницкая Н. А. За что и с кем мы воевали. М.: Минувшее, 2005. 80 с.
15. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2-х тт. М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992. Т. 1. Чары Платона. 446 с.; Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. 525 с.
16. Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М.: Наука, 1989. 582 с.
17. Савруцкая Е. П., Устинкин С. В. Историческая память как фактор национальной безопасности // Власть. 2019. Том. 27. № 6. С. 225–231.
18. Сталин И. В. Речи на обеде в честь Э. Бенеша 28 марта 1945 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 359–363.
19. Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. 264 с.
20. Friedrich. C. J., Brzezinski Z. K. Totalitarian dictatorship and autocracy. Cambridge (Mass.): Harvard university press, 1965. 438 p.

REFERENCES

1. Krashennnikova V., ed. *Antigitlerovskaya koalitsiya – 1939: Formula provala* [The Anti-Hitler Coalition – 1939: Formula for Failure]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019, 336 p.
2. Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The origins of totalitarianism]. Moscow, TsentrKom Publ., 1996, 672 p.
3. Bagdasaryan V. *Rossiya – Zapad: tsivilizatsionnaya vojna* [Russia – West: civilization war]. Moscow, Forum – Infra-M Publ., 2017, 410 p.
4. Vasil'chenko A. *Anenerbe. «Naslediye predkov» bez mifov i tayn* [Anenerbe. “Ancestral Heritage” without myths and secrets]. Moscow, Ripol-klassik Publ., 2005, 432 p.
5. Vasil'chenko A. *Okkul'tnyy mif III reykh* [Occult myth of the Reich III]. Moscow, Yauza-press Publ., 2008, 624 p.
6. Galkin A. *Germanskiy fashizm* [German fascism]. Moscow, Nauka, 1989, 352 p.
7. Gudrik-Klark N. *Okkul'tnyye korni natsizma. Taynyye ariyskiye kul'ty i ikh vliyaniye na natsistskuyu ideologiyu: Ariosofy Avstrii i Germanii, 1890–1935* [The occult roots of Nazism. Secret Aryan cults and their influence on Nazi ideology: Ariosophists of Austria and Germany, 1890–1935]. Moscow, EKSMO Publ., 2004, 576 p.
8. Kozhinov V. *Velikaya vojna Rossii. Pochemu nepobedim russkiy narod* [The Great War of Russia. Why the Russian people is invincible]. Moscow, Yauza-Eksmo Publ., 2005, 544 p.
9. Krivosheyev Yu., Sokolov R. *«Aleksandr Nevskiy»: sozdaniye kinoshedevra. Istoricheskiye ocherki* [“Alexander Nevsky”: the creation of a film masterpiece. Historical essays]. St-Petersburg, Liki Rossii Publ., 2012, 400 p.
10. Lyuks L. [Bolshevism, fascism, national socialism are related phenomena]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 1998, no. 7, pp. 48–57.
11. Medinskiy V. *Vojna. Mify SSSR. 1939–1945* [War. Myths of the USSR. 1939–1945]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2011, 704 p.
12. Mel'tyukhov M. *Sovetsko-pol'skiye voyny. Voenno-politicheskoye protivostoyaniye 1918–1939 gg.* [Soviet-Polish wars. Military-political confrontation 1918–1939]. Moscow, Veche Publ., 2001, 464 p.
13. Morozov Yu. [Falsification of the results of the Second World War in the framework of the information struggle against Russia]. In: *Natsional'nyye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], 2015, no. 25, pp. 50–63.
14. Narochnitskaya N. *Za chto i s kem my vovevali* [For what and with whom we fought]. Moscow, Minuvsheye Publ., 2005, 80 p.
15. Popper K. *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi: v 2 tt.* [Open society and its enemies in 2 vols]. Moscow, Kul'turnaya initsiativa & Feniks Publ., 1992, 446 p.; 525 p.
16. Proektor D. *Fashizm: put' agressii i gibeli* [Fascism: the path of aggression and death]. Moscow, Nauka, 1989, 582 p.
17. Savrutsкая Ye., Ustinkin S. [Historical memory as a factor of national security]. In: *Vlast'* [Authority], 2019, vol. 27, no. 6, pp. 225–231.
18. Stalin I. [Speech at the dinner in honor of E. Benes March 28, 1945]. In: Stalin I. *Sochineniya* [Works], vol. 18. Tver', Informatsionno-izdatel'skiy tsentr «Soyuz» Publ., 2006, pp. 359–363.

19. Hayek F. *Dорога к рабству* [The Road to Serfdom]. Moscow, Novoye izdatel'stvo Publ., 2005, 264 p.
 20. Friedrich C., Brzezinski Z. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge (Mass.), Harvard university press, 1965, 438 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Departmental Head, Department of Russian History of the Middle Ages and the New Age, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Regional State University;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Войны памяти как войны историософских матриц: борьба за Победу после Победы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 21–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-21-32

FOR CITATION

Bagdasaryan V. Wars of memory as a war of historiosophical matrices: the struggle for Victory after Victory. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 3, pp. 21–32.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-21-32